

Елена Леонидовна Григорьян

Россия, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Об этнокультурной интерпретации синтаксических моделей

Ключевые слова: синтаксис, безличные предложения, синтаксическая семантика, этносинтаксис, русский язык, языковая картина мира

Key words: syntax, Russian syntax, impersonal constructions, syntactic semantics, ethnosyntax, linguistic model of the world

Abstract

The paper deals with a popular trend in Russian studies of tracing specific features of Russian worldview in syntactic patterns. It is argued that the selection of features symptomatic of a particular linguistic model of the world is (pre)determined by another language taken as background and that the interpretations of particular linguistic features are usually based on stereotypes which have very little to do with scientific explanations.

В настоящее время языковедение переживает очередной гумбольдтианский период: язык рассматривается как определенное мировоззрение, способ восприятия окружающего мира. Это направление исключительно популярно в русистике, в том числе в отношении русской грамматики. В данной статье будут проанализированы приемы обоснований и доказательств в работах, связывающих грамматику и определенное мировидение.

В этой связи интересно, во-первых, что реально, т. е. практически, выбирается из необозримого языкового материала в качестве доминанты, специфической черты (или набора черт), характеризующих язык в целом. Не менее важен второй вопрос: как интерпретируются эти языковые черты?

Что касается первого пункта, многие авторы, похоже, считают, что существенно абсолютно все, любое явление, любой элемент: так, в работах по концептуальному анализу довольно часто на основании – обычно неполного и субъективного – рассмотрения какого-нибудь одного слова делаются глобальные выводы. Стоит, однако, принять во внимание, что, на каком бы материале мы ни сосредоточились, в любой системе есть и другие факты, и они не обязательно согласуются друг с другом.

Согласно более взвешенным подходам, показательным для выявления языковой картины мира (понятие, которое часто связывается с мировосприятием, менталитетом, культурой) является не все, что есть в языке, а (1) высокочастотное; (2) глобальное, пронизывающее всю систему, ср. позицию Б. Л. Уорфа, который считал, что факты типа множества названий различных видов снега у народов Севера или общее название для снега, льда и инея у индейцев майя в этом плане совершенно несущественны, а важно, как организованы фундаментальные семантические категории, такие как пространство, время, количество; (3) повторяющееся, продуктивное, захватывающее и новые единицы, входящие в язык; (4) мировоззренчески значимое – «ключевые концепты» и т. п.; (5) специфичное, уникальное, отличающее от других языков. Некоторые из перечисленных пунктов взаимосвязаны и каждый из них заслуживает отдельного разбора, но мы сосредоточимся на последнем из названных, который присутствует, по-видимому, всегда, даже если не заявляется открытым текстом.

Та «картина мира», которую мы усматриваем в конкретном языке, во многом зависит от того, с каким другим языком он сопоставляется. Даже если исследование не является собственно контрастивным, языковая картина мира конструируется на основании отличий, так как то, что совпадает, обычно не замечается. Представления о русской языковой картине мира (из которых некоторые авторы выводят духовные особенности и исторические судьбы русского народа), как будет показано далее, фактически определяются тем языком-эталоном, который берется за основу при сопоставлении, целенаправленном или имплицитном.

Так, например, русские безличные предложения стали общим местом в рассуждениях о русской картине мира и русском менталитете; трактовка таких предложений, выдвинутая А. Вежбицкой еще в статье 1979 г. [Wierzbicka 1979], сейчас является едва ли не общепринятой. Внимание А. Вежбицкой привлекают в первую очередь специфически русские (точнее, специфически восточнославянские) безличные предложения с дополнением в творительном падеже типа *Его убило молнией*, *Его переехало трамваем*. Эти конструкции примечательны тем, что, хотя причина события названа (молния, трамвай), она выражена формой творительного падежа, т. е. осмыслена (с точки зрения А. Вежбицкой и некоторых ее предшественников) как орудие неназванной стихийной силы, загадочной, непознаваемой и неподвластной человеку. Особую популярность получило высказывание Вежбицкой, обобщающее анализ русских безличных предложений:

Язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми

он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими [Вежбицкая 1996: 76].

В этом же контексте, анализируя русские предложения типа *Ему это удалось / не удалось* (во многих отношениях близкие к безличным) в противоположность английским *He succeeded / He failed*, где аналогичное значение выражено стандартной личной конструкцией, в которой субъект действия имеет форму подлежащего, А. Вежбицкая утверждает, что английская конструкция

[...] перелагает ч а с т ь ответственности за успех или неуспех некоторого предприятия на лицо, которое его затекает, в то время как русская дативная конструкция [...] п о л н о с т ь ю освобождает действующее лицо от какой бы то ни было ответственности за конечный результат (какие бы вещи с нами ни происходили, хорошие или плохие, они не являются результатом наших действий) [Вежбицкая 1996: 72].

Заметим в скобках, что в таком анализе, во-первых, не учитывается возможность соответствующей русской конструкции *Он в этом преуспел / не преуспел*, пусть менее употребительной, но совершенно естественной; во-вторых, не всё полностью определяется конструкцией, и само значение глагола *удалось*, на наш взгляд, недооценено: оно все же предполагает какие-то усилия или даже уловки в достижении цели. Уточнения А. Вежбицкой типа «часть ответственности» или «полностью» (выделенные нами в тексте приведенной цитаты), надо заметить, весьма зыбки: не нарушая никакой логики, их можно поменять местами. В той же работе А. Вежбицкой иррациональность расценивается как одна из определяющих черт русского мировосприятия и прослеживается также в других, не связанных с безличностью проявлениях.

Между тем надо ли говорить, что в русском языке есть не только безличные, но и личные конструкции, которые существенно употребительнее безличных и преобладают в любом тексте, к тому же значение мистической сверхъестественной силы, отмечаемое А. Вежбицкой, крайне редко на фоне всех употреблений конструкций этого типа [Григорьян 2008]. Но безличные структуры привлекают внимание исследователей именно потому, что личные конструкции присутствуют во всех европейских языках (и во многих других), а безличные контрастируют с тем, что мы встречаем в английском, с которым русский язык часто сравнивается, в том числе в работах А. Вежбицкой. Ситуация такова, что английский язык – во многом вследствие своего статуса в современном мире – фактически стал использоваться, сознательно или бессознательно, в качестве языка-эталона, а часто и как метаязык в лингвистических работах, аналогично тому, как на протяжении веков эту функцию выполняла латынь. Если бы при рассмотрении русских безличных предложений языком-эталонном послужил, например, немецкий, контраст не

оказался бы столь разительным. В немецком языке представлены все те же типы безличных конструкций, что и в русском¹, за исключением конструкции с квазиагентивным дополнением (типа *Лодку унесло ветром*), и при этом широко распространен безличный причастный пассив (маргинальный для системы русского языка). В современном французском языке ситуация также неоднозначна [см. Арутюнова 1998: 795].

Примечателен и другой момент – наличие в английском языке достаточно многочисленных деагентивных конструкций (т. е. конструкций со смещением агенса с позиции подлежащего); возможность изображения действий человека как независимых от него событий не является исключительной особенностью русского языка, а представляет собой, по всей видимости, общее свойство деагентивных конструкций (за исключением пассивов). Хотя в других языках, возможно, и не найдется полной параллели русским безличным конструкциям с квазиагентивным дополнением, тем не менее во многих языках мира существует целый спектр синтаксических способов, возможно, универсальных, для обозначения неконтролируемых положений дел (ср. русско-английско-французские параллели в [Григорьян 2011]). Вместе с тем думается, что выбор именно личных (подлежащих) конструкций в качестве показательных для английского языка и английской («англосаксонской», по Вежбицкой) картины мира не случаен и скорее всего подсказан контрастом с русским языковым материалом.

Если же исходить из сопоставления русского синтаксиса с языками иных типов, то совсем другие его аспекты могут выйти на первый план и быть восприняты как значимые. В этом отношении показательно прозвучавшее на ХLI Международной филологической конференции в Санкт-Петербургском государственном университете (2012 г.) выступление К. Ватанабе: в докладе с ярким названием *Позиция Бога и позиция насекомого: Характеристика инфинитивных предложений в типологическом ракурсе*², используя заимствованный у другого автора образ «Бог смотрит свысока, а насекомое изнутри», он противопоставил с этой точки зрения японский синтаксис («позиция насекомого») европейскому с его стремлением к объективности, которое, по мнению докладчика, объясняется влиянием античной логики и общим характером европейской культуры. Вместе с тем он сблизил с японским типом русские инфинитивные предложения – без подлежащего и без указания времени. Было также отмечено, что в европейских языках акцентируется причина – исходный пункт действия, поэтому так важно подлежащее; с позиции же японского

¹ Наличие формального подлежащего *es* (как и англ. *it*) не меняет безличного характера конструкции, оно не заменяет никакого имени или названия. Это, по-видимому, исключительная особенность синтаксиса германских языков и французского [Dahl 1990], причем во французском языке это считается проявлением германского суперстрата. В самих германских языках это явление относительно позднее.

² Позднее опубликованном в измененном виде [Ватанабе 2012].

синтаксиса (в интерпретации К. Ватанабе) «в ходе естественного хода вещей появился каждый феномен». Принято считать, что в японском языке, где типичны бесподлежащие предложения, а употребление местоимения 1 лица не приветствуется, категория лица нивелируется. Надо заметить, что такой взгляд на личные конструкции не уникален: на той же конференции в докладе, посвященном проблемам синтаксиса, профессор СПбГУ М. В. Зеликов говорил – с возмущением! – о «европейско-семитском выпирании субъекта», сопоставляя европейские языки, в частности, с баскским.

Итак, если подходить к русскому синтаксису, отталкиваясь от языков, для которых подлежащие конструкции менее характерны, то в этом случае именно в личных конструкциях можно усмотреть что-то специфическое для «русской картины мира» – или для русской и общеевропейской в целом, типа уорфовского «среднеевропейского стандарта».

Таким образом, прослеживается явная зависимость интерпретации языкового материала, и даже самого выбора исследуемых языковых черт (в том числе оцениваемых в мировоззренческом плане) от того, с каким языком данный язык сопоставляется, какой язык выступает в качестве эталона для сравнения.

Если же рассматривать русские безличные конструкции на общем типологическом фоне, в них больше соответствия универсальным закономерностям и тенденциям, нежели уникальности. Основная и первичная функция безличных предложений в тех языках, где они есть – обозначение неконтролируемых событий, в первую очередь стихийных природных процессов; их основное значение – в противоположность личным конструкциям – неконтролируемость. Есть достаточные основания считать категорию контроля (контролируемости/неконтролируемости) одной из наиболее значимых для синтаксиса семантических категорий, определяющих синтаксические правила и закономерности в различных языках. В русских безличных предложениях явно просматривается ряд общих типологических закономерностей, в том числе: (1) типичное совпадение подлежащего с коммуникативно выделенным элементом и, соответственно, более низкий коммуникативный статус других актантов; таким образом, отсутствие подлежащего – устранение соответствующего актанта или сдвиг его в более низкую позицию – автоматически повышает коммуникативный ранг прямого дополнения [см. подробнее Григорьян 2008]; (2) сильная корреляция подлежащего с каузальным значением, в связи с чем незаполненность позиции подлежащего типична для обозначения стихийных, неконтролируемых ситуаций; (3) связь прямого дополнения со значением «страдательности» (*affectedness*); характерно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев – как в примерах, на которых А. Вежбицкая основывает свою концепцию.

Что же касается вопроса об этнокультурной интерпретации языковых явлений, в том числе грамматических, она обычно выражается в обозначении

параллелей с некоторыми экстралингвистическими фактами, культурными или социальными, а чаще – со стереотипами (иногда – собственными воззрениями автора); причем возможности таких обоснований, в том числе противоположных, чрезвычайно широки, если не безграничны.

Так, интерпретации русских безличных предложений, разумеется, не исчерпываются двумя рассмотренными выше. В этой связи стоит упомянуть характерную работу *Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии* [Тарланов 1999] – основательное диахроническое исследование русского синтаксиса, скрупулезно документированное, которое автор вместе с тем сопровождает этнофилософским комментарием, полемизируя с А. Вежбицкой. В работе дается альтернативная трактовка русских безличных предложений и, соответственно, иначе расцениваются различия русского и английского языков, ср.:

[...] степень совершенства языка определяется мерой его способности точно соответствовать бесконечно сложному миру изображаемых и выражаемых им предметов, событий, признаков, понятий, представлений и т. д., а также субъективно оцениваемых модусов их проявлений [...]. Чем больше эта координация в плане выразительных возможностей языка, тем тоньше, полнее, глубже, универсальнее он выполняет свое важнейшее предназначение. Следовательно, более совершенен с точки зрения возможностей, в том числе и структурных, тот язык, который *разные* события выражает *по-разному* [Тарланов 1999: 10–11].

Что касается собственно безличных предложений,

[...] охарактеризованный феномен [...] свидетельствует, в частности, о многомерности и потому открытости русской этнической психологии, чуждости для нее эгоцентризма, огромном запасе потенциальной лояльности по отношению к иноэтническим культурам, силе творческой энергии [Тарланов 1999: 107].

Собственно, это же представлено в качестве итога исследования:

Агентивный и пациентивный типы предложения в русском синтаксисе естественно дополняют друг друга, обеспечивая говорящему свободу в выборе модуса, который он считает наиболее соответствующим собственным намерениям, предмету и конситуации речи [...]. Огромные возможности, предоставляемые русским синтаксисом в абсолютизации и объективировании признака (события), в языковом сознании трактуемого в качестве имманентного феномена³, дают повод характеризовать русский тип мировосприятия как свободно активный, лишенный жесткости и натиска, а потому открытый, благоприятствующий для внешних, сторонних воздействий [...]. Русская этнофилософия – это этнофилософия многоголосья и протезизма... [Тарланов 1999: 194].

Относительно английского языка утверждается, что

³ Имеется в виду семантика безличных конструкций, как она трактуется в цитируемой работе.

[...] английский синтаксис, как и синтаксис других западноевропейских языков, беднее русского. Он не располагает полными эквивалентами не только к русским безличным предложениям, но также и к инфинитивным, номинативным, двусоставным несогласованным и некоторым другим [Тарланов 1999: 9],

что трактуется автором как свидетельство меньшей развитости соответствующих языков, т. е. архаичности языкового строя (автор исходит из представления о двусоставности как изначальной синтаксической модели для индоевропейских языков). Споря с Вежбицкой, он утверждает, что

[...] немецкий, французский и английский языки исторически шли не путем, противоположным русскому в развитии или нейтрализации безличных предложений, а просто системно не развили их, в отличие от русского [Тарланов 1999: 107]⁴.

В качестве итога изложенного следует подчеркнуть два момента. Во-первых, то, что при сравнении с одним языком незаметно или может представляться банальным или бессодержательным, на фоне другого языка выступает как яркое и значимое. Во-вторых, немаловажным фактором является наличие стереотипа (существенно реже – собственные представления авторов). Именно этим определяется выбор языковых черт, принимаемых во внимание, и тем более их интерпретация.

Стереотипы или иные исходные представления нередко используются в качестве посылки для обоснования любых описаний и трактовок языковых данных, которые, в свою очередь, удивительным образом с ними согласуются (или подгоняются?). Возникает впечатление, что представления авторов о русском (или каком-либо другом) менталитете предопределяют все последующие интерпретации любого языкового материала. Можно наблюдать практически бесконечное множество всевозможных интерпретаций, в том числе противоположных, которые могут быть при этом вполне логичны и не расходиться с фактами языка (не будем останавливаться на многочисленных случаях нарушения логики, натяжек и недостаточного владения материалом, так как это не меняет сути анализируемой методологической проблемы).

Представляется все же, что возможность усмотрения параллелей и логической увязки языковых и экстралингвистических фактов не может считаться научным доказательством их взаимной (или односторонней) обусловленности.

⁴ Последний пассаж вызывает некоторое удивление, т. к. история английского (а также французского и других западноевропейских языков) достаточно изучена; известно, что в древне- и среднеанглийский периоды существовало большое разнообразие типов безличных предложений, которые полностью сошли на нет только к началу XVI в., что подробно описано, например, в [Möhlig-Falke 2012]. Правда, эта монография вышла существенно позднее, чем рассматриваемая нами работа, однако сведения о безличных конструкциях в древне- и среднеанглийском языке содержатся и в давно изданных и общедоступных книгах на русском языке [в частности, Смирницкий 1957; Ярцева 1961].

Для обобщающих суждений о том или ином языке, по крайней мере о его специфике (если мы хотим оставаться в пределах лингвистической науки, а не переходить на публицистику, философствование или поэтическое творчество), необходим как можно более широкий фон, привлечение данных типологии и диахронических сведений, и в целом более взвешенный подход, пусть даже его результаты окажутся менее впечатляющими и масштабными.

Литература

- Арутюнова Н. Д., 1998, *Язык и мир человека*, Москва: Языки русской культуры.
- Ватанабе К., 2012, Позиция «Бога» и позиция «насекомого»: Характеристика инфинитивных предложений в типологическом ракурсе [в:] *История русского языка и культурная память народа. Историческая лексикология русского языка. Грамматика (Русско-славянский цикл). Материалы секций XLI Международной филологической конференции*, Санкт-Петербург, с. 8–17.
- Вежбицкая А., 1996, *Язык. Культура. Познание*, Москва: Русские словари.
- Григорьян Е. Л., 2008, Безличные предложения и «русский менталитет», *Вопросы филологии*, № 2 (29), с. 11–19.
- Григорьян Е. Л., 2011, Русский синтаксис на фоне английского и французского [в:] *I Congreso Internacional de Rusística «Lengua, Visión del Mundo y Texto»*, Granada: Sección Departamental de Filología Eslava, Universidad de Granada, с. 818–823.
- Смирницкий А. И., 1957, *Синтаксис английского языка*, Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
- Тарланов З. К., 1999, *Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии*, Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.
- Ярцева В. Н., 1961, *Исторический синтаксис английского языка*, Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Dahl Ö., 1990, Standard Average European as an Exotic Language [в:] J. Bechert, G. Bernini, C. Buridant (eds.), *Toward a Typology of European Languages*, Berlin–New York: Mouton de Gruyter, с. 3–8.
- Möhlig-Falke R., 2012, *The Early English Impersonal Construction. An Analysis of Verbal and Constructional Meaning*, Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka A., 1979, Ethno-syntax and the Philosophy of Grammar, *Studies in Language*, Vol. 3, № 3, с. 313–383.